

В. А. Уткевич

Витебская духовная семинария

О. И. Уткевич

Витебский государственный технологический университет

А. Ф. ЛОСЕВ ОБ АНТИНОМИИ ЭЙДОСА И ЛОГОСА

В статье рассматривается учение А. Ф. Лосева о соотношении категорий «эйдос» и «логос». Особое внимание в философских и богословских трудах философа было уделено проблемам диалектики. Отмечается, что, по мнению Лосева, без всестороннего анализа категорий «логос» и «эйдос» невозможно понять диалектический метод познания как таковой. В чисто категориальном отношении логос представляет собой конструирование мыслимых объектов из исходных элементов, которые не обладают конкретным содержанием, эйдос мыслится только лишь в качестве самодостаточного бытия вещи, основанного на самом себе и не нуждающемся во вне-лежащем бытии других объектов. Следовательно, эйдос тем самым строит некоторую границу, отделяющую его от логоса. По существу, данная граница является способом существования логоса. В целом, антиномия логоса и эйдоса у Лосева носит чисто гносеологический характер. Причем, противоречие между ними отражают не различные стороны познавательного процесса, а диалектику иерархии познания. Данное исследование подтверждает, что А. Ф. Лосев внес большой вклад в разработку и формирование общеполитических категорий в русской философии XX в.

Ключевые слова: антиномия, имя, логос, слово, разум, рассудок, русская философия, эйдос.

V. A. Utkevich

Vitebsk Theological Seminary

(Vitebsk, Belarus)

O. I. Utkevich

Vitebsk State Technological University

(Vitebsk, Belarus)

A. F. LOSEV ON ANTINOMY OF EIDOS AND LOGOS

The article discusses the teachings of A. F. Losev on the relationship between the categories "eidōs" and "logos". The paper gives particular attention to the problems of dialectics in the philosophical and theological works of the philosopher. It is noted that, according to Losev, without a comprehensive analysis of the categories "logos" and "eidōs" it is impossible to understand the dialectical method of cognition as such. In a purely categorical sense, logos is the construction of conceivable objects from initial elements that do not have a specific content, eidōs is conceived only as a self-sufficient being of a thing, based on itself and not needing the extralying being of other objects. Consequently, the eidōs thus builds a certain boundary separating it from the logos. Essentially, this boundary is the mode of existence of the logos. On the whole, Losev's antinomy of logos and eidōs is purely epistemological in nature. Moreover, the contradiction between them reflects not different aspects of the cognitive process, but the dialectic of the hierarchy of knowledge. This study confirms that A.F. Losev made a great contribution to the development and formation of general philosophical categories in Russian philosophy of the 20th century.

Keywords: antinomy, name, logos, word, reason, mind, Russian philosophy, eidos.

DOI 10.22405/2304-4772-2022-1-1-42-51

Актуальность темы исследования во многом детерминирована ростом интереса к русскому философскому наследию начала XX столетия. Это был уникальный период, когда на фоне глобальных исторических катаклизмов и беспрецедентных революционных социальных преобразований, отечественные мыслители обратились к фундаментальным исследованиям глубинных категорий классической философии, к основам человеческого бытия, к постижению умопостигаемой метафизики. В эпоху господства в Советском Союзе атеистического мировоззрения и гонений на Русскую Православную Церковь, теоретические проблемы нематериалистической философии, а тем более богословия развивались очень слабо. Во многом была прервана и утрачена та традиция, которая уже сложилась в русской философии ко времени октябрьского переворота 1917 года. Вот почему в настоящее время возникла потребность актуализации фундаментальных исследований русских философов и богословов начала XX века, актуализации в первую очередь богатого категориального аппарата, тщательно и глубоко разработанного ими.

Несомненно, автором, который продолжил традиции философских рассуждений на русском языке, заложенные еще П. А. Чаадаевым, К. Н. Леонтьевым, В. С. Соловьевым, а также внесшим наибольший вклад в разработку и формирование общефилософских категорий в русской философии, был выдающийся мыслитель прошлого столетия Алексей Федорович Лосев (1893-1988). Известно также, что он принял тайный монашеский постриг в Русской Православной Церкви с именем Андроник. Особое внимание в его как философских, так и богословских трудах было уделено проблемам диалектики. Подчеркнем, что именно диалектическое мышление (опирающееся на философию Платона) всегда отличало православных мыслителей от католических (опирающихся на статичную формальную логику Аристотеля).

В этой связи обратимся к одному из ранних и вместе с тем наиболее известных трудов А. Ф. Лосева – «Философия имени», написанному в 1923 г. Предварительно необходимо отметить, что предисловие к своей работе «Философия имени» Лосев начинает с определения гносеологического смысла категории «диалектика», которая, по существу, является исходной и основной категорией его философской системы. Он полагает, что диалектика служит для того, чтобы «одну категорию объяснить другой категорией так, чтобы видно было как одна категория порождает другую и все вместе – друг друга, не натуралистически, конечно, порождает, но эйдетически, категориально, оставаясь в сфере смысла же» [5, с. 616].

Необходимо учитывать, что, по мнению Лосева, без всестороннего анализа таких категорий как «логос» и «эйдос» невозможно понять диалектический метод познания как таковой. «Понятие эйдоса и логоса, – подчеркивает русский мыслитель, – фундаментальные понятия диалектики. И

без них нечего и думать приниматься за диалектический метод» [2 с. 68]. Рассмотрим теперь, какой именно концептуальный смысл вкладывает философ в эти понятия.

«Во-первых, – отмечает Лосев, – *диалектика есть логос, логическое конструирование*. Этим она отличается прежде всего от всякой философии, которая центром тяжести полагает выражение и изображение настроений и чувств философа, видящего мир такими или иными глазами» [2, с. 68]. Таким образом, по мнению философа, диалектика представляет собой специфический способ философствования, в рамках которого мыслители стремятся отрешиться от чисто субъективной составляющей логоса. Конечно, полностью осуществить данное стремление на практике невозможно. Все дело в том, что, как аргументированно показал немецкий философ, представитель герменевтической школы Ханс Георг Гадамер в своей работе «Истина и метод», субъективная составляющая гносеологического процесса принципиально неустранима, даже в естествознании [1]. Характерно, что так же неустранима она и в богословии, которое является по сути богопознанием. Именно об этом говорится в Первом послании к коринфянам апостола Павла: «Дары различны, по Дух один и тот же ... но каждому дается проявление Духа на пользу: одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному же дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков. Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно» (1-е Кор., 12:4-11).

В философии же элемент субъективизма, в первую очередь, проявляется в ее мировоззренческом характере. Как отмечала ученица и супруга А. Ф. Лосева А. А. Тахо-Годи: «Примечательно, что, начиная с дипломного сочинения, Алексей Федорович занят мировоззренческими вопросами» [6, с. 7]. Вполне закономерно и объяснимо, что русский мыслитель не избежал определенного субъективизма в своем творчестве. Безусловно, научно и профессионально подходя к проблеме, он пытался все мировоззренческие проблемы анализировать в первую очередь с точки зрения разума, что способствовало минимизации субъективного элемента. Однако, именно разума, ума, а не формальной логики и рассудка. Философ принципиально различает эти понятия: «Настоящая сфера рассудка – физический мир и...применение его в иных областях неизбежно влечет неполноту и недостаточность характеристик этих областей» [4, с. 213].

Необходимо понимать, что «ум» в таком контексте также не является самодовлеющей гносеологической инстанцией, он тесно взаимосвязан в рамках познавательного процесса с человеческим «сердцем». Речь идет о таком понимании сердца, которое хорошо прочитывается в русских поговорках: «сердце знает», «сердце подсказало», то есть способно не просто чувствовать, но и знать. А.Ф. Лосев поэтически выразил соотношение этих начал в одном из своих стихотворений, датированном декабрем 1941 года. Приведем две последние строфы из него:

Ум не рассудок, не скелет

Сознания, духа и природы.
Ум – средоточие свободы,
Сердечных таинств ясный свет.

[...]

Ум – вечно юная весна,
Он утро новых откровений,
Игра бессменных удивлений,
Ум не стареет никогда.

Конечно, на первый взгляд может показаться, что произведение представляет собой только лишь безграничное славословие человеческому уму. На самом же деле данные слова можно понимать в их более высоком христианском значении. Обратим внимание на то, что Лосев указывает на ум как на «сердечных таинств ясный свет». Таким образом, человеческий ум у него оказывается неразрывно взаимосвязанным с сердцем. Предшественник Лосева, известный русский философ и богослов позапрошлого столетия П. Д. Юркевич (1827-1874) отмечал, что вся глубина и значимость человеческого мышления может осуществиться только лишь посредством «прохождения» его через сердце. «Сообразно с этим, – отмечал он, – лучшие философы и великие поэты сознавали, что сердце их было истинным местом рождения тех глубоких идей, которые они передали человечеству в своих творениях, а сознание, которого деятельность соединена с отправлениями органов чувств и головного мозга, давала этим идеям только ясность и определенность, свойственные мышлению» [7, с. 83].

С большой вероятностью можно предположить, что именно непонимание сущности отмеченной взаимосвязи, метафизическая абсолютизация одной из ее сторон может привести к некоторым неверным представлениям о сущности философии в целом. Также в контексте культурологического, социогуманитарного знания трудно говорить о так называемом «общечеловеческом» подходе, скорее здесь существуют лишь различные варианты национального мышления. Более того, кроме наиболее распространенного варианта формальной логики (так называемой «Аристотелевской логики») широкое распространение в XX веке получили другие ее варианты, к примеру – трансцендентальная логика. Таким образом, существуют различные варианты логического конструирования, а также и самой диалектики.

Перейдем теперь к конкретному анализу понимания категорий «логос» и «эйдос» в творчестве А. Ф. Лосева. Логос, согласно его точке зрения, представляет собой конструирование мыслимых объектов из таких исходных элементов, которые в принципе не обладают конкретным содержанием. Следовательно, и в диалектике, считал философ, данное содержание полностью отсутствует. «Диалектика, – подчеркивал он, – занята чисто *логической* конструкцией вещи, а какая именно это вещь, ее совершенно не интересует. Этим она отличается от интимно-жизненного отношения к вещи» [2, с. 68]. Таким образом, Лосев считал, что логическое конструирование представляет собой совершенно конкретную ненаполненность своего объекта, а,

следовательно, и диалектики в целом. «Правда, – продолжал Лосев, – в этом она совершенно сходна с логикой, естественными науками, с наукой вообще, потому что всякая наука есть не более как логическое конструирование того или иного предмета [2, с. 69]. Подобного рода видение имеет и целый ряд позитивных гносеологических черт. Так, например, оно позволяет ученому выявить целый ряд общих свойств у различных объектов, присущих всем, даже самым различным их феноменологическим проявлениям.

Рассмотрим теперь понимание категории «эйдос» в творчестве А. Ф. Лосева. «Диалектика есть логическое конструирование эйдоса, – отмечает русский философ, – этим она отличается от всех других типов логического конструирования» [2, с. 69]. Таким образом, если логос представляет собой универсальный диалектический метод познания, то, с точки зрения русского мыслителя, диалектика как учение радикальным образом отличается от формальной логики. Все дело в том, что представленная через данные категории формальная логика представляет собой «логос о логосе», а диалектика является «логосом об эйдосе». Эйдос же, по мнению А. Ф. Лосева представляет собой «цельный смысловой лик вещи, созерцательно и умственно осязательно данная его фигура» [2, с. 69]. Таким образом, эйдос по самой своей гносеологической сути не может не включать в себя определенную долю субъективизма.

Философ не ограничивается рассмотрением эйдоса исключительно как гносеологического феномена, затем он переходит, можно сказать, к процессу онтологизации эйдоса. В чисто категориальном отношении эйдос мыслится только лишь в качестве такого бытия, которое самодостаточно, то есть основано на самом себе и мыслится исходя из самого себя, следовательно, по существу, не нуждается во вне-лежащем бытии каких-то других объектов. «Действительно, – подчеркивает русский мыслитель в работе «Античный космос и современная наука», – есть ли что-нибудь помимо эйдоса? Ведь эйдос же и есть лик предмета, явленная сущность его, известный нам и нами формулированный смысл его. Что же еще возможно знать в вещи помимо ее эйдоса, если эйдос и есть то, что мы знаем о вещи?» [2, с. 70]. Более того, отметим, что в некотором смысле эйдос вещи у Лосева тождественен самой вещи. Однако данная тождественность носит не статический, а динамический характер, то есть не абсолютна.

Все дело в том, что если эйдос – это знание о вещи, то ответ на вопрос о том, является ли это знание полным, будет отрицательным. Данный ответ детерминирован процессом динамического изменения эйдоса, происходящего по мере познания вещи. Причем сама вещь физического пространственного мира может в этот момент оставаться в относительно неизменном состоянии. Таким образом, на наш взгляд, нельзя из знания об эйдосе как о лике предмета, сделать абсолютно истинные выводы об онтологическом бытии самого предмета. Конечно, можно обвинить русского мыслителя в том, что в приведенных выше рассуждениях допущена методологическая ошибка, которая называется «онтологизацией понятий». Ответим на это предполагаемое обвинение словами самого Лосева. «Но, если в вещи нет ничего, кроме эйдоса,

– писал он, – то это значит, что эйдос вещи не может быть основан на чем-нибудь ином, что не есть он сам, ибо все, что есть в вещи, есть ее эйдос, и эйдос оказывается обоснованным сам на себе» [2, с. 70-71]. Следовательно, на наш взгляд, данное обвинение безосновательно. Все дело в том, что такое понимание эйдоса носит чисто диалектический, а не метафизический характер. Лосев выражает обоснованность и заключенность эйдоса самого на себе в рамках тождества в контексте философии Гегеля, то есть как противоположности вещи самой себе. Кроме того, в данном случае, эйдос необходимо понимать в идеальном смысле, то есть как полное знание о вещи, что на практике, как уже нами отмечалось, не осуществимо.

Помимо внутреннего противоречия, в сущности смой категории «эйдос» заключено также и внешнее противоречие между категориями «эйдос» и «логос». На наш взгляд, данное противоречие носит антиномический характер. Предварительно отметим, что в переводе с древнегреческого языка на русский, само слово «антиномия» означает «противоречие в законе». Обратим внимание на то, что речь в данном случае идет не о чисто формально-логических, а скорее о диалектических противоречиях. В формальной логике (по крайней мере в аристотелевском ее варианте) существует так называемый «закон непротиворечия», который гласит, что в человеческих рассуждениях не должно быть ни контрарных, ни контрадикторных противоречий. Конечно, если мы будем считать, что формальная логика является адекватным отражением внешнего (по отношению к человеку) мира, то, следовательно, при описании какого-нибудь объекта, носящего противоречивый характер, следует, что данный объект вообще не существует. Однако приведенное утверждение носит именно формально-логический характер. На самом же деле, наличие логических противоречий в каком-то объекте, ни в коем случае не означают отсутствия его онтологического существования. Напротив, согласно законам диалектики Гегеля, именно такие противоречия не просто существуют, но служат внутренним источником его развития.

Данное понимание действительности во многом совпадает с ее пониманием у русского философа. Причем, если мир противоречив, то, по мнению А. Ф. Лосева, диалектика, если она призвана адекватно отражать пространственно-физический чувственный мир, должна быть именно логикой противоречия. «Если диалектика действительно не есть формальная логика, – подчеркивает он в работе «Философия имени» – тогда она *обязана* быть вне законов тождества и противоречия, т.е. она *обязана быть логикой противоречия*. Она обязана быть системой закономерно и необходимо выводимых антиномий, ибо не всякое противоречие – антиномия) и синтетических сопряжений всех антиномических конструкций смысла» [4, с. 616].

Учение об антиномиях достаточно подробно раскрыто в работе Лосева «Диалектика художественной формы». Один из разделов данного произведения так и называется – «Антиномика». Начинается этот раздел с анализа антиномии факта. Далее философ выделяет три вида антиномий, которые связаны с пониманием художественной формы. Отметим, что, по его мнению, такая

форма предполагает свое потенциальное отличие от других внесмысловых форм. «В применении к реально-человеческому творчеству это есть переход сущности в уже не просто иное, но – специально – в человеческое сознание, т. е. это есть человеческое понимание. Тут тоже кроется целый клубок антиномий, распутать которые необходимо для отчетливого раскрытия данного понятия» [3, с. 52].

Интересно, что у Лосева в третьей антиномии понимания происходит процесс метасинтеза, то есть синтеза результатов первых двух синтезов. Данный синтез находит у него свое выражение в следующих словах: «Художественная форма есть становящееся (и, стало быть, ставшее), т.е. энергично-подвижное тождество смысловой предметности и качественной фактичности или символическая структура» [3, с. 52].

Аналізу антиномической сущности смысла у русского философа посвящены пять позиций. В заключение он приводит общий вывод из всех рассмотренных им антиномий формы. Данный вывод носит не абстрактный характер, а наполнен конкретным художественным содержанием. «Когда композитор писал свою пьесу, – подчеркивает А. Ф. Лосев, – он употреблял для этого разные промежутки времени. Он менялся, и создаваемая им пьеса нарождалась, изменялась и исправлялась, становилась. Но вот пьеса закончена, и отныне она отразила всю эту алогическую длительность становлений у композитора и в пьесе как некую единичность подвижного покоя самотождественного различия» [3, с. 70-71].

Необходимо отметить, что Лосев нигде не писал в своих произведениях об антиномичности таких категорий, как «логос» и «эйдос». Однако, на основании вышесказанного, можно утверждать, что в скрытом виде данная антиномичность все же раскрывается им в самом концептуальном понимании этих категорий. Все дело в том, что если эйдос мыслится в качестве самодостаточного бытия, то он тем самым строит некоторую границу, отделяющего его от логоса. По существу, данная граница является способом существования логоса. Все дело в том, что наличие такой границы приводит на практике к его специфическому самоутверждению. А, следовательно, и к последующему самоотрицанию его самого. Таким образом, собственное самоутверждение эйдоса представляет собой ничто иное как его собственное самоотрицание. Именно в этом и заключается антиномия «эйдоса» и «логоса».

Итак, во-первых, антиномичность эйдоса и логоса заключается в том, что первый, в силу специфичности своего бытия, порождает второго. Во-вторых, на наш взгляд, данная антиномичность является выражением противоречия между такими категориями, как «термин» и «имя». Причем, термин в чисто гносеологическом смысле аналогичен логосу, в его понимании у Лосева. Термин не отражает самой сущности объекта обозначения. Он служит всего лишь в качестве чисто условного обозначения, то есть конвенции, а, следовательно, практически не применяется в процессе мышления. Причем, именно в силу такой своей специфичности, термины находят широкое применение в науке.

Можно обобщить написанное А. Ф. Лосевым об эйдосе в различных работах. На наш взгляд, данное учение в некоторых моментах носит достаточно противоречивый характер. Автор постоянно переходит от гносеологического понимания эйдоса к его онтологическому пониманию. Кроме того, некоторые современные исследователи творчества самого Лосева в христианском контексте полагают, что можно провести богословские аналогии между учением о Боге, как высшей самодостаточной сущности, Творце всего мира, с учением Лосева об эйдосе. Однако именно противоречивость анализа, которая является понятным, исторически обусловленным следствием несистемности христианских религиозных знаний русского философа, не позволяет с этим согласиться.

В заключение нашего исследования отметим, что А.Ф. Лосев в своих произведениях обосновывает феноменологически-энергетическую концепцию имени (соотносимого у философа с понятиями эйдоса и слова), согласно которой оно выполняет основополагающую роль в мышлении. В начале двадцатого столетия в лингвистике были широко распространены номиналистские взгляды, согласно которым имя предмета и сам предмет в онтологическом отношении никаким образом не взаимосвязаны между собой. А, следовательно, имя не имеет реального существования. Оно всего лишь условность, служащая для называния предмета. Если одну условность заменить на другую, то никаких изменений в самом предмете не произойдет. Как и не произойдет изменений в человеческом мышлении.

Номиналистской точке зрения А. Ф. Лосев противопоставляет ту концепцию, основы которой были заложены еще Платоном в работе «Кратил». Русский мыслитель в своих рассуждениях исходит из категориального единства слова и имени: «Слово, – подчеркивает он, – могучий деятель мысли и жизни. Слово поднимает умы и сердца, исцеляя их от спячки и тьмы. Слово двигает народными массами и есть единственная сила там, где, казалось бы, уже нет никаких надежд на новую жизнь ... Без слова нет ни общения в мысли, в разуме, ни тем более активного и напряженного общения. Нет без слова и имени также и мышления вообще» [5, с. 627]. Как мы видим, философ исходит не только из идеи ключевого онтологического, гносеологического и коммуникативного значения слова в человеческой жизни, но также особо подчеркивает значение не любого слова, но непосредственно имени предмета.

Философия имени находит в произведениях Лосева качественно разные уровни онтологической человеческой мысли в слове. Русский философ особо подчеркивает, что «имя есть жизнь» [5, с. 617]. В нем нераздельно присутствует бытие и его ясно выраженный смысл – максимальное напряжение осмысленного бытия вообще. В целом антиномия логоса и эйдоса у Лосева носит чисто гносеологический характер. Причем, противоречие между ними отражают не различные стороны познавательного процесса, а диалектику иерархии познания. В этом смысле логос представляет собой начальный, первичный этап, а эйдос – завершающий этап процесса познания.

Литература

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
2. Лосев А. Ф. Античный космос и современная наука // Бытие – имя – космос. М.: Мысль, 1993. С. 61-611.
3. Лосев А. Ф. Диалектика художественной формы // Форма – Стиль – Выражение. М.: Мысль, 1995. С. 5-295.
4. Лосев А. Ф. Музыка как предмет логики // Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 195-298.
5. Лосев А. Ф. Философия имени // Бытие – имя – космос. М.: Мысль, 1993. С. 613-801.
6. Тахо-Годи А. А. Алексей Федорович Лосев // Бытие – имя – космос / А. Ф. Лосев ; сост. и ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. С. 5-30.
7. Юркевич П. Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению слова Божия // Философские произведения. М.: Правда, 1990. С. 69-103.

References

1. Gadamer H.-G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germeneytiki [Truth and Method. Philosophical Hermeneutics]*. Moscow, Progress publ, 1988. 704 p. [in Russian]
2. Losev A. F. *Antichnyy kosmos i sovremennaya nauka [The Ancient Cosmos and Contemporary Science]. Bytiye – imya – kosmos [Genesis – name – space]*. Moscow, Mysl' publ, 1993. Pp. 61-611. [in Russian]
3. Losev A. F. *Dialektika khudozhestvennoy formy [The Dialectics of the Artistic Form]. Forma – Stil' – Vyrazheniye [Form – Style – Expression]*. Moscow, Mysl' publ, 1995. Pp. 5-295. [in Russian]
4. Losev A. F. *Muzyka kak predmet logiki [Music as a Subject of Logic]. Iz rannikh proizvedeniy [From early works]*. Moscow, Pravda publ, 1990. Pp. 195-298. [in Russian]
5. Losev A. F. *Filosofiya imeni [The Philosophy of Name]. Bytiye – imya – kosmos [Genesis – name – space]*. Moscow, Mysl' publ, 1993. Pp. 613-801. [in Russian]
6. Takho-Godi A. A. *Aleksey Fedorovich Losev [Aleksi Fedorovich Losev]. Bytiye – imya – kosmos [Genesis – name – space]*, comp. and ed. by A. A. Takho-Godi. Moscow: Mysl' publ, 1993. Pp. 5-30. [in Russian]
7. Yurkevich P. D. *Serditse i yego znacheniye v dukhovnoy zhizni cheloveka, po ucheniyu slova Bozhiya [The heart and its meaning in the spiritual life of a person, according to the teaching of the word of God]. Filosofskiye proizvedeniya [Philosophical works]*. Moscow, Pravda publ, 1990. Pp. 69-103. [in Russian]

Статья поступила в редакцию 16.01.2022
Статья допущена к публикации 15.03.2022

The article was received by the editorial staff 16.01.2022
The article is approved for publication 15.03.2022